

Между подвалами, судами и эмиграцией: арт-активизм времени всеобщей мобилизации

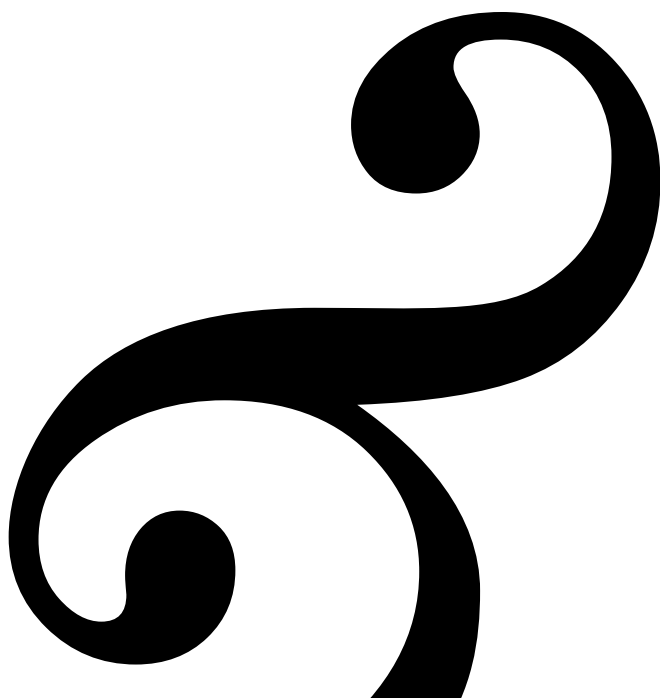
АЛЕК Д.
ЭПШТЕЙН

Мои статьи об арт-активизме в России (иногда написанные в соавторстве с молодыми коллегами) на страницах «Неприкосновенного запаса» за последние пять лет появлялись неоднократно; последняя из них была опубликована в начале весны прошлого года¹. Однако как раз тогда, в марте 2014 года, общественная повестка дня в России существенным образом изменилась: на протяжении полутора лет, до вступления российских войск в гражданскую войну в Сирии, украинская тема не просто доминировала в российских СМИ – она «подмяла» под себя все остальные. Разумеется, это не могло не повлиять на деятельность актуальных художников и акционистов, что обуславливало необходимость свежего анализа этого «поля» в эпоху новой общественно-культурной и военно-политической мобилизации. Этот анализ, однако, демонстрирует, что отмечавшиеся ранее тенденции подавления и постепенного заката арт-активизма не изменились, а новая повестка дня по-

Алек Д. Эпштейн (р. 1975) – специалист по интеллектуальной истории, председатель Центра изучения и развития современного искусства (ЦИиРСИ).

1 Эпштейн А.Д., Поротиков Д.А. *Гвозди в гроб: есть ли перспективы у арт-активизма в России? // Не-прикосновенный запас. 2014. № 2(94). С. 125–142.*

**ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ**

разительным образом почти не была осмыслена актуальными художниками в их творчестве.

I

Независимое художественное творчество в России существовало всегда, а искусство авангарда, развивавшееся в первые десятилетия XX века, известно во всем мире. Однако это искусство решало сугубо эстетические задачи; работ, которые можно охарактеризовать как политически оппозиционные, ни у Малевича, ни у Кандинского, ни у кого-либо другого из художников того поколения не было. Едва ли не первым художником, большинство картин которого критически переосмыслили социально-политическую реальность, был Оскар Рабин, первые работы которого, отражавшие беспросветный мир барачников, были созданы в 1956–1958 годах. Далее социально-политические мотивы присутствовали и в живописи, и в инсталляциях, и в зародившемся в конце 1970-х годов акционизме, отцом-основателем которого в России был Андрей Монастырский – фактический лидер группы «Коллективные действия». Тогда же появился и соц-арт, почти все видные представители которого – Виталий Комар, Александр Меламид, Вагрич Бахчинян, Александр Косолапов, Леонид Соков и другие – еще в брежневские годы эмигрировали из страны. Используя и перерабатывая одиозные клише, символы и образы советского искусства, расхожие мотивы советской политической агитации, соц-арт в игровой, зачастую эпатажирующей форме развенчивал их истинный смысл, пытаясь освободить зрителя от идеологических стереотипов. Ирония, гротеск, острая подмена, свободное цитирование, использование разнообразных форм (от живописи до пространственных композиций) стали основой броского, эклектичного художественного языка этого направления. В 2000-е годы ведущим представителем «второй волны» российского соц-арта стала Лена Хейдиз, самая известная работа которой – «Химера загадочной русской души» – стала причиной жалоб в прокуратуру и вызовов к следователям. Работы Лены Хейдиз 2010-х годов – «Химера православия», «Химера правопорядка», «Туда, к трону, стремятся все» и другие – свидетельствуют о том, насколько последовательно она продолжает идти выбранной дорогой.

В России доминирует точка зрения, согласно которой искусство является сферой, заведомо аполитичной: эстетика в массовом сознании отделена от вовлеченности в спорные социально-политические проблемы. На Западе к российским арт-активистам, очевидно, относились бы как к художникам,

но в России им нужно бороться за само признание этого статуса. В этой связи понятны слова Надежды Толоконниковой, сказанные ею после одной из акций Петра Павленского 20 октября 2014 года:

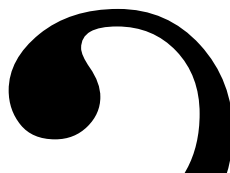
«Главное завоевание Павленского [состоит в том, что телеканалы] *Russia Today* и *Вести* называют его художником. Художником! Не хулиганом! Не сумасшедшим! Не нарушителем порядка! Жить стало лучше, товарищи!»²

Саму Толоконникову и ее соратниц по группе «Pussy Riot» судили не как художниц, а как хулиганок и нарушительниц порядка – и существенное большинство населения в этой стигматизации арт-активисток власти поддерживало. Но жить лучше не стало, Надя поторопилась с выводом.

Сегодня, когда от протестного движения в Российской Федерации не осталось почти ничего (часть его лидеров находятся в тюрьме и под домашним арестом, часть – в эмиграции, часть *de facto* отошли от политики, а оставшиеся пытаются что-то делать при крайне небольших возможностях и очень ограниченном внимании к ним со стороны населения), кажется почти естественным, что и от протестного арт-активизма в России осталось очень немного. Эта логическая взаимосвязь, однако, довольно обманчива: действительно, с декабря 2011-го по весну или даже лето 2013 года уровень протестной активности граждан, прежде всего в Москве, был беспрецедентно высоким (при этом, кроме единственного исключения, случившегося 6 мая 2012 года, все протесты были исключительно мирными) в сравнении с десятью предшествующими годами. И эта атмосфера сама по себе очень благоприятствовала развитию протестного арт-активизма, который в России имеет куда более политическое, чем социальное, содержание. В российском арт-активизме почти нет работ, посвященных бесправному положению рабочих-гастарбайтеров или давлению на независимых профсоюзных активистов, почти вся энергия направлена на борьбу против Путина, верных ему «силовиков» и дающей ему символическую легитимацию православной церкви. Вместе с тем важно не забывать о том, что, когда появилась новая волна арт-активизма – в 2007–2008 годах, – уровень протестной активности граждан был еще ниже, чем сегодня. Широкая вовлеченность граждан в политический протест благоприятствует радикальному арт-активизму, и если трансформация, описанная французско-российским социологом Карин Клеман в монографии «От обывателей – к активистам», действительно имела место, то это создало среду, для протестно-

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
между подвалами,
судами и эмиграцией...

2 Толоконникова Н.А. *5 вещей, которые вы хотели узнать о Павленском, но стеснялись спросить* // Эхо Москвы. 2014. 20 октября (http://echo.msk.ru/blog/tolokno_25/1421656-echo/).

го искусства чрезвычайно благоприятную³. Очевидно, однако, что наличие этой среды не является необходимым условием для появления ярких феноменов активистского искусства: важнее, пожалуй, не наличие самой протестной общественной атмосферы, а существование, во-первых, ярких индивидуальностей, готовых и умеющих создавать художественные работы и арт-перформансы социально-политической направленности, а во-вторых, наличие собственно художественной и коммуникативной среды – пусть и периферийной, и даже маргинальной с точки зрения поля художественных институций и средств массовой информации – но готовой оказывать этим художникам и акционистам символическую поддержку.

История заката протестного арт-активизма в России – несмотря на привлекающие внимание яркие акции отдельных перформансистов и существование на протяжении уже четырех лет фестиваля «МедиаУдар», который, впрочем, больше функционирует как анархистская коммуна, чем как собственно художественный фестиваль, – это прежде всего история прекращения деятельности нескольких наиболее ярких художников, сопряженная с «осушением» той коммуникативно-художественной инфраструктуры, поддержка которой делала проводимые этими людьми акции широко известными. Российская Федерация и в конце первого десятилетия XXI века была страной со своеобразной формой политико-экономического устройства, где наиболее влиятельными игроками как в политической, так и в экономической сферах были люди, выросшие в спецслужбах и этими спецслужбами поддерживаемые. В этом смысле за прошедшие годы почти ничего не изменилось, Россия осталась страной «православного чекистского капитализма»⁴, однако сфера художественных институций, в особенности институций, заведомо периферийных с точки зрения количества посетителей и читателей, не была объектом внимания государственных органов и направляемых ими собственников, лишь формально независимых. Когда отдельные акции, реализованные участниками и участницами групп «Война» и «Pussy Riot» – самых резонансных протестных арт-групп в России в 2008–2012 годах (Надежда Толоконникова и Екатерина Самуцевич входили в обе, остальной же состав этих групп различался) – приобрели всероссийскую и даже всемирную известность, люди, ответственные за реализацию культурной политики в путинской России, обратили свои взоры и на не представляющие для них прежде интереса галереи, художественные журналы и

3 См.: Клеман К., Мирясова О., Демидов А. *От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010. Гл. 2, 5.

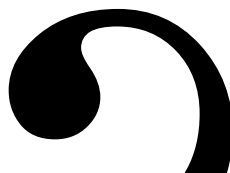
4 См.: Эпштейн А.Д., Васильев О.О. *Власть, церковь и проблема свободы творчества в современной России // Неприкосновенный запас*. 2011. № 1(75). С. 167–187.

порталы. Наиболее влиятельные и серьезные в этой сфере журнал и портал «ART-Хроника» были в одночасье закрыты летом 2013 года, а единственный арт-куратор, публично выступавший в поддержку социально-политического акционизма, получая при этом зарплату от государства, Марат Гельман был уволен с поста директора созданного им в Перми музея. После того, как 18 октября 2015 года в помещении Галереи Марата Гельмана в Центре современного искусства «Винзавод» прошел аукцион в поддержку осужденных по «болотному делу», галерист получил письмо о расторжении договора с «Винзаводом». Пытаясь спасти свою галерею, Гельман, фактически капитулировав, направил директору Центра Софье Троценко письмо с обещанием не проводить в помещении ничего, кроме выставок, но в ответ его попросили освободить галерею к 5 ноября⁵. Не забудем и о том, как в 2012 году книжный магазин-клуб «Гилея», где неоднократно проходили презентации и обсуждения, касавшиеся арт-активизма, был последовательно изгнан из обоих занимаемых им помещений (в одном из зданий Московского музея современного искусства и в подвале Центральной педагогической библиотеки).

Одновременно с этим целый ряд средств массовой информации, общелиберальный характер которых побуждал журналистов информировать читателей об акциях, реализованных радикальными художниками в публичном пространстве, был «перереформирован» таким образом, что эти темы практически перестали появляться на их страницах, хотя справедливость требует упомянуть, что и в 2014 году о каждом из трех перформансов Петра Павленского написали многие десятки периодических изданий, как электронных, так и печатных. Петр Павленский был последним достаточно широко известным в России арт-активистом, работающим в жанре политического перформанса, однако за год, прошедший после акции, проведенной им 19 октября 2014 года на заборе московского Института психиатрии имени Сербского, ни об одной из его акций известно не стало, в 2015 году его имя появлялось исключительно в контексте ведущегося против него уголовного процесса. Его акции, каждый раз демонстрирующие обреченное бессилие одиночки, раздавленного прессингом государственного принуждения (самым сильным был, пожалуй, его перформанс у Законодательного собрания Санкт-Петербурга, когда он обнаженным лежал на асфальте, замотанный в колючую проволоку), становятся предметом сравнительно широкого обсуждения в СМИ во многом просто потому, что больше им в этой сфере обсуждать практически нечего.

5 Гельман М.А. *Галерею вновь пытаются выгнать с «Винзавода»* // Эхо Москвы. 2015. 27 октября (http://echo.msk.ru/blog/marat_gelman/1647914-echo/).

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

II

Говоря о современном российском арт-активизме, нужно оговориться, что речь идет не об одной, а о трех категориях работ.

К первой категории относятся те, которые создаются на холсте, бумаге, картоне или любом другом носителе, включая работы, созданные с использованием компьютера, которые, во-первых, можно перенести с места на место, а во-вторых, можно выставить в музее и репродуцировать в газете, журнале или на сайте. Эти художественные произведения создаются в привычной атмосфере мастерской художника, даже если мастерской является компьютер, – важно, что художник работает обособленно, не в городском пространстве, пусть даже в дальнейшем его работы, выставленные в городском пространстве, могут иметь огромный общественный резонанс. Часть художников, чьи работы правомерно отнести к этой условно нами выделенной первой категории, годами работают почти исключительно в сфере протестного политического искусства, как, например, Алекс Хоц из Тулы или уроженец Воркуты, а ныне москвич Сергей Ёлкин, новые карикатуры которого регулярно появляются в печати.

Другие художники создали отдельные, в том числе ставшие довольно известными, работы политического содержания, условно говоря, «на полях» своего достаточно разнообразного творчества, как, в частности, архангельский художник Константин Алтунин, экспозиция которого под названием «Музей власти» (там была представлена и картина, скорее просто пошлая, чем идеологически оппозиционная, с портретами Владимира Путина и Дмитрия Медведева в женском нижнем белье) в августе 2013 года вызвала большой скандал, вследствие которого выставка была закрыта, а сам художник эмигрировал во Францию, где попросил политического убежища.

Существенное расширение протестной активности в 2011–2012 годах «вдохнуло» новый импульс в творчество ряда художников, которое начиная с этого времени носит ярко выраженный политический или политико-правозащитный характер; в этой связи вспоминаются прежде всего имена талантливых художников-графиков Виктории Ломаско и Алексея Иорша. Их политические работы, многократно репродуцированные на страницах газет и журналов разных стран, созданы в мастерских, пусть даже эскизы многих работ Виктории Ломаско сделаны непосредственно в ходе митингов и судебных заседаний, где на скамье подсудимых находились участники антиправительственных акций протеста.

Некоторые художники, в том числе и авторы очень известных работ, опубликованных как в России, так и за границей,

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

Виктория Ломаско

Илл. 1. Виктория Ломаско.
«Всюду жизнь». Сентябрь
2015 года.

из страха преследований отказываются сообщать свое настоящее имя, ограничиваясь лишь псевдонимом, как, например, художник, работающий под псевдонимом RAMM и создавший несколько очень острых работ. На одной из них изображен генерал, как в компьютерной игре резвящийся с судьбами вверенных ему солдат. В целом эта тема – бесправие призванных на обязательную службу солдат – является одной из основных в российском политико-правозащитном дискурсе.

Вторая группа включает в себя акционистов, работающих в городском публичном пространстве, не создающих ничего, что можно перенести с места на место или выставить где бы то ни было, за исключением, конечно, фото- и видеодокументации их перформансов. Этот арт-акционизм никак не связан с живописью или графикой, хотя некоторые критики находят преемственность между отдельными акциями (прежде всего

Петра Павленского) и скульптурным творчеством. Так, например, петербургский поэт и эссеист Алексей Конаков пишет:

«Недаром многократно отмечалась подчеркнутая статуарность, пластическая выразительность фигуры Павленского; перед нами действительно уже не акция и не перформанс – но скорее подобие живой скульптуры, страстно желающей о чем-то сказать»⁶.

В любом случае речь идет о разовых перформансах, ни один из которых никогда и нигде не повторялся. Наиболее длинные из них продолжались несколько часов, как было в ходе акции группы «Война», реализованной в июне 2010 года, когда нарисованный на Литейном мосту фаллос оставался на одном из разведенных пролетов на протяжении более чем четырех часов (в 2011 году усилиями радикальных арт-критиков, а также кураторов Андрея Ерофеева и Екатерины Дёготь группа «Война» получила за эту акцию премию «Инновация» Государственного центра современного искусства). Самые короткие не длились и полуминуты, как было в ходе акции той же группы «Война» «Штурм Белого дома» в ночь на 7 ноября 2008 года, в ходе которой видеопроекция с черепом и костями была видна на здании Дома правительства Российской Федерации лишь 22 секунды. При этом большое значение имело то, что перформансы могли устраиваться где угодно: участники «Войны» настаивали на том, что не зрители должны приходить в музеи современного искусства, а экспонаты сами должны приходить к зрителям. Так, огромный резонанс получила акция, проведенная в одном из гипермаркетов ближнего Подмосковья 7 сентября 2008 года, в ходе которой были символически повешены пять человек, изображавших двоих гомосексуалов и троих гастарбайтеров, что отражало существующую ненависть к этим группам со стороны доминирующего большинства⁷. Один из повешенных позиционировал себя как еврей, и несколько неожиданным образом президент Российской Федерации защищал его перед Ангелой Меркель:

«Госпожа Федеральный канцлер упомянула о девушках, которые в тюрьме находятся за выступление в церкви. А знает ли она, что до этого одна из них повесила чучело еврея и сказала, что от таких людей нужно избавить Москву? Мы не можем с вами поддерживать людей, которые занимают антисемитские позиции, и я просил бы вас тоже иметь это в виду. Эта публичная акция была в Москве, в одном из крупнейших торговых центров»⁸.

6 Конаков А. *Следы на теле* // Кольта. 2015. 15 января (www.colta.ru/articles/art/5958).

7 См.: Эпштейн А. Д. *Тотальная Война: арт-акционизм эпохи танDEMократии*. М.: Издатель Георгий Еремин; Умляют Network, 2012. С. 107–125.

8 *Выступление В. В. Путина на российско-германском форуме «Петербургский диалог» 16 ноября 2012 года* (<http://kremlin.ru/events/president/news/16848>).

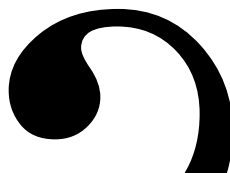
Группа «Pussy Riot», вне всякого сомнения, самый известный представитель российского арт-акционизма последних лет, с формальной точки зрения должна быть отнесена не к художественным, а к музыкальным коллективам, как и куда менее известная российская группа, называющая себя «Панк-фракция Красных бригад». Перформансы «Pussy Riot» представляли собой импровизированные выступления на площадках, для музыкальных выступлений заведомо не приспособленных, будь то станция метро, крыша троллейбуса, Лобное место на Красной площади или два московских собора – Елоховский и Храм Христа Спасителя, где и был записан видеоролик «Богородица, Путина прогони!», приведший к аресту трех участниц группы, включая ее безусловного лидера Надежду Толоконникову, в 2008 году бывшую одной из основательниц «Войны». Общественная кампания в защиту арестованных была беспрецедентной – пожалуй, со времен суда над Верой Засулич в 1878 году (она стреляла в тогдашнего градоначальника Санкт-Петербурга и ранила его, но на волне либерального свободомыслия была оправдана судом присяжных) в России не было ничего подобного, и эта кампания, в которой приняли участие в том числе и мега-звезды зарубежной эстрады, до этого никак в какие-либо российские события не вовлеченные, нанесла режиму огромный репутационный ущерб.

Вместе с тем, если говорить непосредственно об арт-акционизме, то победа как раз оказалась на стороне режима. Группа раскололась, причем если Екатерина Самуцевич и ее сторонницы и сторонники не реализовали с момента ее освобождения 10 октября 2012 года ни одной акции, то Надежда Толоконникова, Мария Алехина и их сподвижники – всего две. Первая была озаглавлена «Путин научит тебя Родину любить», она прошла в Сочи 19 февраля 2014 года, в один из дней проводившейся там Олимпиады, и привлекла к себе внимание почти исключительно в связи с тем, что на девушек было совершено бандитское нападение со стороны православных традиционалистов. Вторая прошла на Манежной площади в Москве 30 декабря 2014 года; видеоклип включал в себя всего четыре слова: «Чисто. Честно. Слово. Дело». Олег Кашин писал тогда:

«В любом сочетании из этих слов получится хоть стандартная государственная абракадабра, хоть бессмысленный рекламный слоган, хоть опричная считалочка. [...] Четыре слова, которые сейчас, как кажется, не значат ничего. Четыре слова, которые бьются о кремлевскую стену, отскакивают от нее и ничего не сотрясают...»⁹

9 Кашин О. В. *Ведьмы чистят Манежку* (<http://kashin.guru/2014/12/30/pussyriot/>).

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

Кашин, впрочем, убеждал читателей, что «это так только кажется», но видеоклип в целом прошел почти незамеченным. Единственное выступление «Pussy Riot» в 2015 году имело место 25 сентября на фестивале «Dismaland» в двухстах километрах от Лондона, и посвящено оно было темам, от нынешней России довольно далеким: отношению европейских стран к беженцам из Азии и Африки.

Фактически группа «Pussy Riot» в настоящее время уже не существует, как не существуют и группа «Война», и предшествовавшие им «Бомбилы», фактический лидер которых, художник, теоретик и организатор Антон Николаев, продолжает самую разнообразную деятельность в протестно-художественной сфере, однако известную лишь в узких кругах тех, кто этой деятельностью непосредственно интересуется. Сказанное верно и о другом ярком акционисте 2011–2012 годов Денисе Мустафине, большой креативный потенциал которого, как представляется, остался не реализованным в полной мере.

Особняком стоит деятельность арт-активистов, направленная на «захват» городского пространства путем размещения своих работ ярко антирежимного содержания там, где они в условиях сегодняшней России появиться заведомо не могут: на крупноформатных рекламных щитах в людных местах, на высоких и длинных стенах и заборах, в том числе возле «знаковых» объектов (прежде всего православных храмов), на остановках общественного транспорта, а также сознательно разрушаемых в целях наживы объектах архитектурного наследия, на месте которых девелоперы планируют создание очередных торгово-развлекательных центров. К этой, третьей, группе протестных художников принадлежат несколько ярких одиночек, работающих в российских регионах, где никакого протестного искусства, и уж тем более поддерживающей его инфраструктуры, нет и не было отродясь. Однако эти работы, фотографии которых были помещены в самых разных СМИ, сделали их авторов достаточно известными. В этой связи нужно выделить Артема Лоскутова и Марии Киселевой из Новосибирска, Леонида Данилова из Мурманска, Александры Качко из Санкт-Петербурга, Тимофея Ради из Екатеринбурга. Ни у кого из них никогда не было выставок в каких бы то ни было музеях и галереях, но при этом именно они создали наиболее яркие арт-активистские инсталляции последних лет. Слово «инсталляция» применительно к работам, созданным на плоскости, уместно потому, что резонанс, полученный этими работами, определяется именно их размещением в многомерной городской среде, частью которой они таким образом становятся.

Российская блогосфера и всевозможные порталы полны огромным количеством материалов, остро критических по от-

ношению к нынешнему российскому режиму, – никакого единомыслия в российском обществе не было и нет, – однако в публичном городском пространстве лозунги или плакаты, критические по отношению к президенту Путину и его курсу, появиться не могут, по определению. Особенность этой категории протестных арт-активистов состоит в том, что они, хотя бы на то очень короткое время, пока их работы не уничтожены, позволяют прохожим, видящим их, представить публичное пространство России плюралистичным и легитимизирующим критику не только в отношении «нерадивых бояр» (такая критика в России была разрешена всегда, не запрещена она и поныне), но и в отношении «царя», который как раз на протяжении большей части российской истории, включая наше время, находится вне критики. Так, ночью 3 марта 2014 года возле здания представительства президента России в Екатеринбурге художник-акционист Тимофей Радя вывесил большой плакат, посвященный событиям на Украине. Обращаясь к Путину, уличный художник просит его обдумать решения, принятые российскими властями в свете последних событий в Украине.

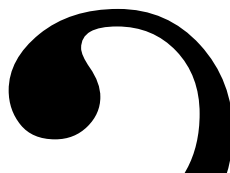
АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

«Все пули, выпущенные русскими и украинцами друг в друга, на особом счету: они полетят через года. Вырастут девочки и мальчики, которые уже не будут помнить тебя и меня, но пули попадут в их сердца и головы, и они сами будут стрелять друг в друга теми особенными пулями, которые полетят через года. Никто не будет останавливать эти пули, ведь это гораздо сложнее, чем выстрелить еще раз, поэтому нам, Владимир, стоит еще раз все обдумать»¹⁰.

Этот транспарант был демонтирован в первый же день, но на протяжении нескольких часов проходившие мимо граждане видели это обращение к президенту, контрастно отличавшееся от всего, что они видят и слышат в контролируемом государством уличном пространстве, по телевидению и по радио. В конце 2012 года тот же Тимофей Радя прогремел с инсталляцией «Стабильность», которая в глазах многих стала лучшей визуальной метафорой режима: царский трон держится на полицейских щитах.

Нужно отметить, что сфера российского художественно-политического активизма не ограничивается пределами Российской Федерации или даже всего бывшего Советского Союза. Из представителей первой среди выделенных мной категорий значимым участником протестного художественного поля является давно живущий в Берлине Дмитрий Врубель, одна из работ которого «Господи! Помоги мне выжить среди этой смертной любви», созданная еще в 1990 году, является безусловной клас-

10 РАДЯ Т. *Записка президенту* // Эхо Москвы. 2014. 4 марта (<http://echo.msk.ru/blog/radya/1271814-echo/>).

сикой российского соц-арта. Из представителей второй группы нельзя не упомянуть вынужденно эмигрировавшего из России после уголовного дела, открытого против него за перформанс «Я – не сын Божий», Олега Мавромати, ныне делящего свое время между Болгарией и США, а также активистов группы «Синий всадник» Олега Басова и Евгения Авилова, эмигрировавших в 2015 году (первый из них ныне находится в Германии, второй – в США). В июле 2013 года акцию в Дании попытался провести один из основателей группы «Война» Олег Воротников, но она не вызвала ни малейшего интереса в коммуникативном пространстве. В целом отъезд Олега Воротникова и Натальи Сокол в вынужденную эмиграцию – где они фактически прекратили творческую деятельность, попадая в СМИ лишь как фигуранты иницилируемых ими и их медиа-художником и пресс-секретарем Алексеем Плущером дразг и скандалов, – положил конец деятельности этой группы, бывшей в 2008–2010 годах флагманом российского арт-акционизма. До «Войны» российский арт-акционизм был известен лишь в очень узких кругах, хотя, очевидно, что группы «Э.Т.И», «Радек», «Бомбилы» и другие создали фундамент, без которого «Войны» не было бы. Но именно эта группа, взорвав блогосферу русскоязычного Интернета, первой получила широкую известность.

III

Заведомо не имея возможности быть представленными в каком-либо музее или общественном пространстве на протяжении длительного времени, арт-активисты вынуждены работать так, чтобы акция продолжительностью даже менее половины минуты получила относительную известность. Добиться этого можно предельным сжиманием пружины сатиры и гротеска, апеллируя к тому пласту культуры, которую справедливо было бы назвать народной. Несколько парадоксальным образом такие продвинуто-элитарные жанры, как перформанс и концептуализм, в нынешних российских политических условиях привлекли внимание миллионов, найдя свое выражение в акциях, зачастую созданных на том символическом языке, который привычно используется в непринужденной обстановке. «Война» и «Pussy Riot» преуспели как общественные феномены именно потому, что обратились, с одной стороны, к табуированным, а с другой, – от этого лишь еще более привлекательным пластам народной культуры, в фокусе которой находятся секс, царь и Бог.

Акция «Войны» в Зоологическом музее в феврале 2008 года по большому счету мало чем отличалась от съемок неприятя-

зательного, чтобы не сказать консервативного, порнофильма: все участвовавшие пары были сугубо гетеросексуальными, никакой «групповухи» и никакой смены партнеров не было, однако именно как «жуткая вакханалия» и «оргия»¹¹ эта акция прославила группу в стране, где, по меткому замечанию давно ушедшего из жизни чопорного Владимира Набокова, «слово, соответствующее по значению *sexual* – “половой”, – не совсем прилично, и поэтому с ним стоит обращаться осторожно»¹². Два с половиной года спустя уже не реальный, а символический фаллос, показанный питерскому управлению госбезопасности, стал самой знаменитой акцией «Войны», в которой мотив освобождающейся сексуальности соединен с мотивом мечты о мести режиму, символом которого является органы безопасности. Исполнение в самом знаменитом московском храме песни-призыва «Богородица, Путина прогони!» было косвенным продолжением акции, реализованной на Литейном мосту, хотя никто из участников первой акции не принимал участия во второй. Суть, однако, была в общем той же: подобно тому, как никто и никогда в России не мог помыслить о том, чтобы показать средний палец в адрес госбезопасности, никогда прежде амвон главного столичного храма не использовался для публичных призывов к изгнанию главы государства.

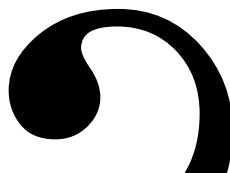
Свобода, которую отстаивали участники «Войны» и участницы «Pussy Riot», была свободой негативной, а не позитивной – это «свобода от», а не «свобода для»: если вчитываться в тексты и интервью Олега Воротникова и Надежды Толоконниковой (помня при этом, что люди эти отличаются фундаментально разными мировоззрением и системой ценностей), то понятно, что добиться общественной популярности своими программами они бы никогда не смогли. Совершенно очевидно, что их феноменальный успех, не имеющий precedентов в истории российского акционизма, обязан таланту нащупывать не точки роста, а те болевые клапаны, которые саднят у миллионов, но которые не принято беречь. Петр Павленский работает с собственным обнаженным телом совершенно иначе, в его акциях нет, несмотря на полное отсутствие одежды, никакого сексуального посыла, его обнаженный человек символизирует смирение, беззащитность и покорность режиму и судьбе, что полностью противоречит скоморошно-панковской эстетике «Войны» и «Pussy Riot».

Сам по себе арест наиболее известных представителей питерской части «Войны» – Олега Воротникова и Леонида Николаева – в сентябре 2010 года, а затем трех активисток

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

11 Плущер-Сарно А. Ю. *Жуткая вакханалия в Биологическом музее 29 февраля. Акция арт-группы «Война»* (<http://plucer.livejournal.com/55710.html>).

12 *Vladimir Nabokov's Interview to Alvin Toffler // Playboy*. 1964. January. P. 37.

«Pussy Riot» – Надежды Толоконниковой, Марии Алехиной и Екатерины Самуцевич в марте 2012 года – стали катализаторами развития протестного искусства в России. Целый ряд художников, искусствоведов и кураторов, обычно далеких от политических тем, выступили в защиту арестованных, безуспешно пытаясь втолковать властям, что художники, даже радикальные, не хулиганы¹³. Вместе с тем некоторые молодые ребята увидели в «Войне» и «Pussy Riot» если не образец для подражания, то вдохновляющий пример, демонстрирующий, что границы возможного художественно-политического высказывания существенно шире, чем казалось прежде. Каждое заседание Таганского суда по продлению ареста девушек, а затем Хамовнического суда, где их панк-молебен рассматривался «по существу», сами по себе превращались в площадки, на полях которых реализовывались различные протестно-художественные акции, что формировало и цементировало арт-активистское сообщество. Попытки проведения заявленных фестивалей искусств во дворах судов жестко пресекались властями, активистов арестовывали не только за выкрикивание лозунгов поддержки или попытки поднять плакат, но даже и за попытки просто исполнить под гитару социально-активистские песни (так, например, в апреле 2012 года у Таганского суда был задержан известный поэт, бард и левый публицист Кирилл Медведев, затем исполнивший песню «Давай разрушим эту тюрьму», уже будучи арестованным, в полицейском автозаке). Арт-проект «Мордовлаг», реализованный Лусинэ Джанян при участии Алексея Кнедьяковского в октябре 2013 года непосредственно в том поселке, где находилась в заключении Надежда Толоконникова, был событием, не имевшим прецедентов в истории российского искусства.

Несколько парадоксальным образом нахождение активисток «Pussy Riot» в тюрьме было для российского протестного искусства более благоприятным, чем их освобождение, ибо после него исчез цементирующий сообщество стержень. Когда девушек задержали, ни одна галерея не готова была предоставить свои залы для выставки в их поддержку, и активисты во главе с Татьяной Волковой и Денисом Мустафиным сняли автобус, в котором развесили работы, и только в таком пространстве эта выставка, продлившаяся всего два часа, вошла в историю. Ни одно издательство не было готово выпустить книгу-альбом в их поддержку – я подготовил его, но издан он был лишь благодаря содействию арт-деятели Виктора Бондаренко, который сам готовил тогда совместно с художницей Евгенией Мальцевой выставку «Духовная брань», где образы

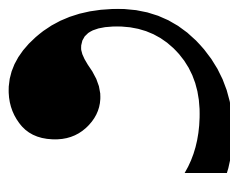
13 См.: Эпштейн А.Д. *Арест участниц группы «Pussy Riot» как катализатор художественно-гражданского активизма* // Неприкосновенный запас. 2012. № 4(84). С. 104–119.

активисток «Pussy Riot» составили Троицу. Выставку эту неоднократно пытались сорвать, сам Бондаренко в день открытия подвергся нападению, и для восстановления порядка в Центр современного искусства «Винзавод» прибыл отряд полиции, среди прочего заблокировавший ворота всего выставочного комплекса, вследствие чего на территорию не мог попасть никто из тех, кто планировал посетить широко анонсированный вернисаж¹⁴. Выставка была закрыта под давлением администрации Центра спустя две недели после открытия, и заслуживает упоминания тот факт, что более чем за два прошедших с тех пор года ни одна из экспонировавшихся там работ не была выставлена в Москве более нигде и ни разу. Страх хулиганских выходов со стороны тех, кто ежедневно звонил в Центр современного искусства «Винзавод», сообщая, будто в выставочном помещении заложено взрывное устройство, из-за чего сотрудники галереи вынуждены были каждый раз на несколько часов эвакуироваться, предопределяет желание «не подставляться» и «не связываться» – проще работ не выставлять вообще, чем противостоять подобному давлению.

Вышеописанная попытка Виктора Бондаренко и Евгении Мальцевой создать возможность появления очевидно незаконических работ на религиозные сюжеты была таким образом пресечена, а позднее фактически объявлена вне закона принятой статьей об ответственности за оскорбление чувств верующих. Заслуживает упоминания и тот факт, что работа художника Александра Совко «Путешествие Микки-Мауса по истории искусства», на которой знаменитый диснеевский персонаж символически заменял Иисуса, была определена судом как экстремистская и внесена Министерством юстиции в список материалов, распространение которых категорически запрещено. Позднее в этот же список были добавлены четыре (из пяти) видеоролика группы «Pussy Riot». Целый ряд остро антиклерикальных работ таких художников, как Александр Косолапов, Олег Кулик, Татьяна Антошина, равно как и их более молодых коллег – Антона Николаева, Артема Лоскутова, Алексея Кнедьяковского и других, – ни в какие списки формально не вносились, однако они нигде и не выставляются. Судебные решения, принятые против бывшего директора Сахаровского центра Юрия Самодурова и арт-куратора Андрея Ерофеева, признанных виновными и приговоренных к крупным денежным штрафам исключительно за организацию художественных выставок «Осторожно, религия» и «Запретное искусство», не только табуировали возможность независимого художественного дискурса на тему сакрального,

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

14 См.: Эпштейн А. Д. *Духовная брань: как и почему оказались закрыты на засов ворота крупнейшего столичного центра современного искусства* // Неприкосновенный запас. 2012. № 6(86). С. 113–143.

но и сделали невозможным публичный критический разговор о том, что и почему в этой сфере запрещено. Обе эти выставки прошли в сравнительно мало посещаемом небольшом выставочном зале Общественного центра имени Сахарова: первая – в 2003 году, вторая – в 2006-м, и обе подверглись хулиганским нападениям. Однако власти отдали под суд не погромщиков, а арт-кураторов, которые этими выставками якобы сознательно разжигали межконфессиональную рознь. Обоих после этого уволили: Андрея Ерофеева – из Третьяковской галереи, где он заведовал отделом новейших течений, а Юрия Самодурова – из Сахаровского центра. Спустя два года Виктория Ломаско и Антон Николаев выпустили книгу «Запретное искусство» в новом для России жанре комикса-документа, где были представлены зарисовки всех этапов этого судебного процесса¹⁵.

IV

Две другие темы, являющиеся важными мотивами в российском арт-активизме самого последнего времени, непосредственно связаны с ухудшением политической ситуации в стране в нынешний период идеологической и военной мобилизации.

Первой темой, вызвавшей определенный всплеск гражданской активности, стало присоединение Крыма и развязанная при деятельном участии российского руководства гражданская война на востоке Украины. Российские либералы проводили, в рамках существенно сузившихся в последние годы правовых возможностей, акции и пикеты против участия России в этом конфликте. В Мурманске анархистам даже удалось 1 мая 2015 года пронести через весь центр города огромный транспарант «Возрождение империи – это ложь и лицемерие». Несколько парадоксальным образом актуальные художники, многие из которых на личном уровне совсем не разделяли эйфории от того, что «Крым – наш», в своем творчестве события, связанные с «Майданом» 2014 года и всем, что последовало за ним, никак не осмыслили. Практически невозможно вспомнить ни одной работы, созданной кем-либо из российских художников за эти полтора года, в которой присоединение Крыма или война на Донбассе оказались бы центральной темой или хотя бы отправной точкой.

Наиболее яркие активистские работы, навеянные этими событиями, были созданы украинскими художниками Сергеем Захаровым, Давидом Чичканом и Дарьей Марченко. Наибольшую известность получил рисунок Сергея Захарова, на кото-

15 Ломаско В.В., Николаев А.С. *Запретное искусство*. СПб.: Бумкнига, 2011.

ром был изображен тогдашний командующий промосковскими вооруженными формированиями Игорь Стрелков (Гиркин), целящийся себе в висок; под картиной художник поместил лозунг «Just do it». Серия граффити Сергея Захарова привела его в тюремные подвалы органов криминально-государственной власти так называемой Донецкой Народной Республики, откуда ему удалось бежать спустя месяц.

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

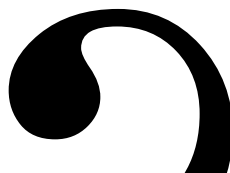

Обратили на себя внимание яркие антивоенные работы, в частности, «Патриотизмы рождают фашизм» из серии «Кому Война», созданные киевским художником-анархистом Давидом Чичканом; работа Дарьи Марченко «Портрет повелителя войны», на которой лицо второго президента Российской Федерации было выложено из собранных в Донбассе гильз¹⁶, а также акция Павла Ушевца (сам он называет себя руфером Мустангом), перекрасившего звезду на вершине высотного здания на Котельнической набережной в цвета украинского флага, за соучастие в которой были арестованы пять молодых людей. Позднее четверо из них были освобождены, а 20-летний руфер Владимир Подрезов, который привел Павла Ушевца на крышу высотки, был в сентябре 2015 года осужден на два года и три месяца колонии общего режима.

Несмотря на то, что в казавшейся немыслимой братоубийственной войне, где по обе стороны баррикад воевали преимущественно славяне – русские и украинцы, – погибли сотни

*Илл. 2. Сергей Захаров.
«Just do it». Август
2014 года.*

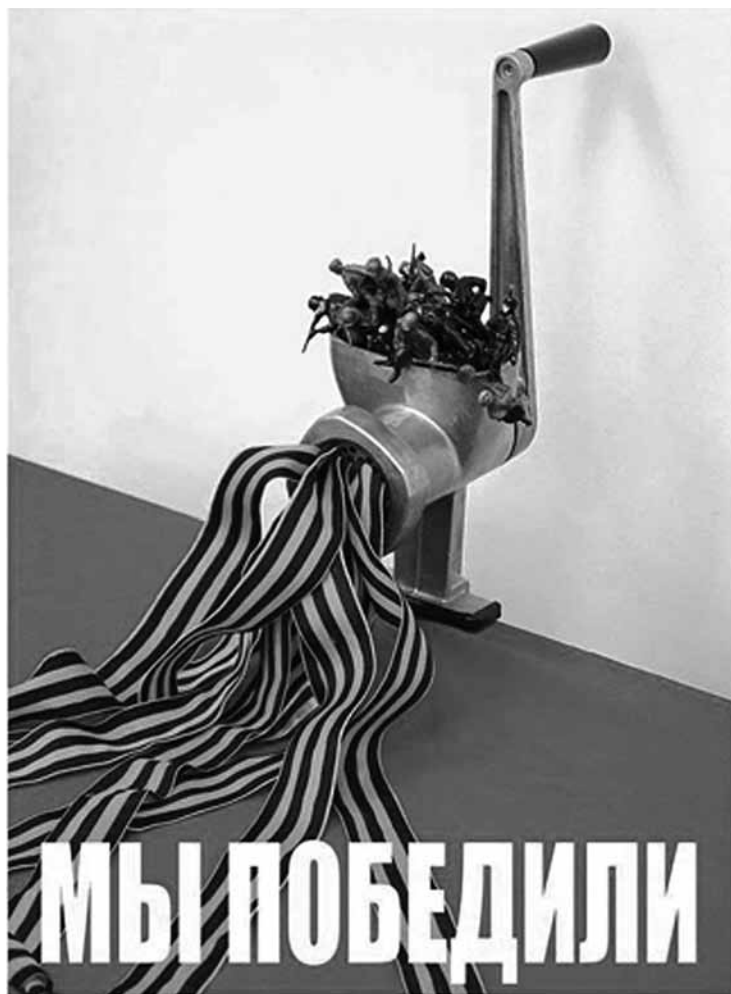
16 См.: Волчек Д.Б. *Лицо повелителя войны* // Радио Свобода. 2015. 28 июля (www.svoboda.org/content/article/27156803.html).

россиян, осмысления этого кошмара в сфере искусства не произошло. «Холодная война», начавшаяся между Россией и Западом, вообще осталась за пределами российского арт-активизма.

Сказанное верно и применительно к арт-акционистам, самые известные из которых также не провели ни одной акции, связанной с участием россиян в войне на Украине. Группа «Война» последнюю из своих акций провела на рубеже 2011–2012 годов. «Pussy Riot» и Петр Павленский остаются действующими арт-акционистами, однако и они прошли в своем творчестве мимо российско-украинской трагедии. Устроив посвященную «Майдану» акцию «Свобода!» с сожжением покрышек на Малом Коношенном мосту, Петр Павленский на последующие события никак не отреагировал, сосредоточившись, вместо этого, на подготовке и издании четвертого номера своего альманаха «Политическая пропаганда», полностью посвященного феминистской теме, параллельно с этим стойко противостоя Следственному комитету, одержимому стремлением его, наконец, осудить. Кроме вышеупомянутого транспаранта Тимофея Ради с обращением к президенту, вывешенного в Екатеринбурге, можно вспомнить, кажется, только акцию группы «Ганди» из Санкт-Петербурга, в начале ноября 2014 года заменившей рекламный плакат в одном из лайтбоксов полностью белым плакатом, небольшая часть которого была занята лозунгом «Привет вам из того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами». Близок к этому был плакат мурманского арт-активиста Леонида Данилова со строкой из известной песни Егора Летова «Солдатами не рождаются – солдатами умирают». Оба эти плаката просуществовали в единственном экземпляре лишь несколько часов, после чего были уничтожены.

Еще одной значимой темой арт-активизма 2015 года стал пафосный размах празднования 70-летия победы в Великой Отечественной войне. Семьдесят лет спустя после окончания Второй мировой оказалось, что каждая страна имеет для нее свое название и свою хронологию – в то время, как руководители США, Англии и Франции проводили совместные торжества в Нормандии 8 мая, в Москве день спустя никого из них не было, а глава Китая, хотя и прилетел, сообщил, что на самом деле война закончилась лишь 3 сентября, после капитуляции Японии, и именно в этот день празднования окончания войны прошли в Пекине. Как уже было не раз подмечено, с течением лет (а 9 мая выходным днем стало лишь в 1965 году) размах посвященных Великой Победе торжеств неуклонно растет, при этом хор всепобеждающей государственной мощи, чем дальше, тем больше вымывает память о связанных с войной трагедиях, пережитых миллионами семей. Фактически созданный на обломках исторической правды культ Великой Победы стал осто-

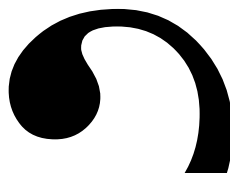

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

*Илл. 3. Лиза Саволайнен
(группа «Синий всадник»)
при участии
Петра Войса. «Мы победили».
Май 2015 года.*

вом новой гражданской религии – Победа осталась едва ли не единственной советской ценностью, благополучно пережившей переход к постсоветской эпохе. Именно поэтому работа, созданная Лизой Саволайнен из группы «Синий всадник» при участии Петра Войса, а также Олега Басова и Александра Пучкова, накануне 70-летия Победы, вызвала столь бурную реакцию: нападение сотрудников Центра по борьбе с экстремизмом МВД РФ на галерею Петра Войса «С-Арт» на второй день выставки «Мы победили». В галерее Петра Войса принципиально не используется этикетаж с именами авторов, поскольку, как указывает Саволайнен, «сегодня арт-высказывания могут быть опасны, анонимность призвана обеспечить защиту от преследований»¹⁷. План, однако, не сработал: выставку разгромили,

17 Из личного письма автору от 21 октября 2015 года.

Олега Басова избили, работы конфисковали. Галерея «С-Арт» существует уже более четверти века, в ней прошло множество выставок, и ничего подобного прежде не случалось – однако 8 мая 2015 года галерея была опечатана, а работы – изъяты¹⁸.

Многие сравнивали разгром этой выставки с беспорядками, устроенными православными погромщиками на выставке «Осторожно, религия!» в Сахаровском центре 18 января 2003 года¹⁹ и на выставке «Духовная брань» в Центре современного искусства «Винзавод» 20 сентября 2012 года. Разница, однако, была фундаментальной. В Сахаровском центре сотрудников правопорядка не было, на выставке «Духовная брань» они блокировали вход в галерею Марата Гельмана, не допустив никого из пришедших на вернисаж, но таким образом защитив от расправы всех, кто находился в галерее, включая художницу Евгению Мальцеву и идеолога проекта Виктора Бондаренко. Разгром выставки «Мы победили» был первым случаем участия сотрудников правоохранительных органов в открытом погроме. Вскоре после этого лидер группы «Синий всадник» Олег Басов покинул Россию.

Вторым наиболее ярким примером советского символа, пережившим падение Советского Союза, стал полет первого человека в космос. На протяжении многих лет успехи советской, а затем и российской космонавтики служили и служат доказательством того, что Россия ничем не уступает Западу, а может, и перегнать его, если постарается. Всем микрософтам, эпплам и гуглам вопреки гагаринский полет является примером еще одной великой победы, которой страна, отправившая его в космос, имеет все основания заслуженно гордиться. На протяжении многих лет полеты в космос играли не последнюю роль в антирелигиозной пропаганде: преодолевшие земное притяжение космонавты Бога не видели, что должно было убедить верующих в том, что вера их иллюзорна. Если бы кто-то в советскую эпоху постарался вписать Гагарина или кого-либо другого из его коллег в религиозный контекст, этого человека ждало бы неминуемое осуждение за посягательство на один из основных символов успеха научно-технического прогресса.

Судьба работы, созданной в День космонавтики 12 апреля 2015 года в Перми на фасаде одного из жилых домов стрит-арт-художником Александром Жуневым, свидетельствует о том, насколько восприятие этой темы изменилось на прямо противоположное. Художник, уподобивший первого космонавта распятому Христу, был обвинен отнюдь не в осквернении па-

18 См.: Волчек Д.Б. *В георгиевской мясорубке* // Радио Свобода. 2015. 9 мая (www.svoboda.org/content/article/27006054.html).

19 См.: Кулик И.А. *Благочестивый погром* // Коммерсант. 2003. 20 января.

мяти Гагарина, а в оскорблении чувств верующих²⁰. Поскольку Александр Жунев оппозиционным политическим художником не является и в антиклерикализме никогда прежде замечен не был, власти ограничились небольшим штрафом, уничтожив его работу менее чем через сутки после того, как она была создана. Эта история наглядно демонстрирует крайне интересный социальный феномен, при котором некоторая часть пантеона национальной памяти, сохраняя изначальный очень высокий статус, существенным образом меняет свое значение и контекст. Если в прошлом полеты в космос были доказательством отсутствия Бога, то в наши дни священники с кропилом и кадилом в руках – неотъемлемые участники перформансов космических запусков с космодрома «Байконур».

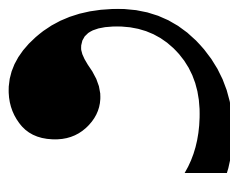
АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

Понятно, что есть и другие темы, к которым более или менее регулярно обращаются арт-активисты. Это и суды над политзаключенными (проект Виктории Ломаско и Златы Понировской «Рисуем суд»), и митинги протеста (напомним о замечательных работах талантливого живописца Егора Кошелева «Встреча на митинге» и «Разгон митинга»), и разрушение памятников старины (отметим работу много сделавшей прежде на ниве антиклерикального феминизма, талантливой Александры Качко (Zoa Art) из Петербурга «Сносить нельзя ремонтировать»), и права рабочих мигрантов (выделим акцию «Нелегальных лю-

Илл. 4. Уничтожение работы Александра Жунева «Гагарин. Распятие». Пермь, 12 апреля 2015 года. Фото Максима Кимерлинга.

20 См.: Эпштейн А. Д. *Благословляя Гагарина* // Радио Свобода. 2015. 25 апреля (www.svoboda.org/content/article/26972373.html).

дей не бывает», инициированную позднее покинувшим Россию Олегом Васильевым (Grey Violet) и Татьяной Болотиной), и протесты против фальсификации выборов (на одной из демонстраций появился ставший знаменитым плакат Павла Арсеньева «Вы нас даже не представляете»), и борьба за гендерное равенство (выделим в этой связи работы художницы, творившей под псевдонимом Умная Маша), и экологически-ориентированная борьба против развития в России экономики, основанной на государственных сырьевых корпорациях (картина Ивана Разумова «Oil Park»). Отдельные работы фокусируются непосредственно на личности президента России, как, например, «Арест» Константина Латышева.

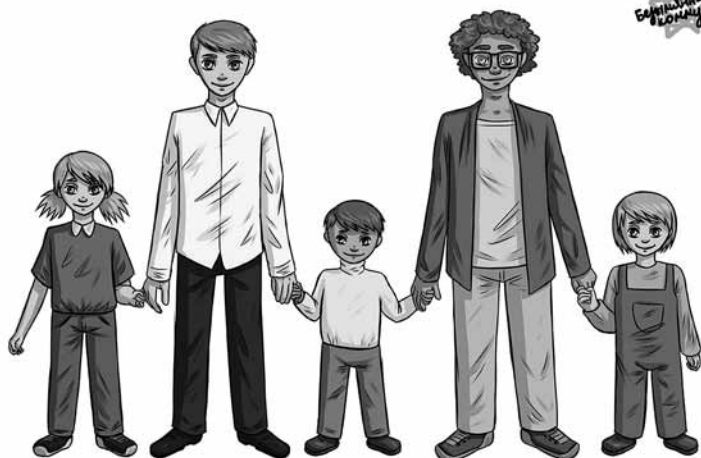
Еще одной темой остается закон о запрете никогда и никем не выданной в России «пропаганды гомосексуализма» среди несовершеннолетних, принятый в июне 2013 года. Размах общественных протестных акций против этого закона был мизерным, у Госдумы в дни голосования по этому законопроекту собирались лишь несколько десятков человек, однако в арт-активистской среде эта тема получила некоторое звучание. Наиболее яркими были художественные работы, созданные Андреем Кожевниковым, Никсом Нэмени, группой из шести человек, работающей под именем «Безымянная коммуна», а также запоминающийся перформанс «Закон Мизулиной в действии», проведенный под руководством безвременно ушедшего из жизни Алексея Давыдова у здания приемной Администрации президента. Лейтмотивом этой акции был тезис о том, что гомофобия убивает, свидетельства чего российская действительность, к сожалению, демонстрирует регулярно.

8 июля депутаты московского отделения «Единой России» представили дизайн «флага натуралов», заявив, что это их ответ на легализацию одногендерных браков в США. На флаге изображены женщина, мужчина и трое детей, держащиеся за руки взрослых. Арт-группа «Безымянная коммуна» ответила на этот плакат парой своих, на которых трое детей растут в семьях с одногендерными родителями: в первом случае – с двумя мужчинами, во втором – с двумя женщинами. Учитывая косность большинства россиян, существенное большинство которых выступают против права геев и лесбиянок растить и воспитывать детей, радикальный реформаторский посыл этих плакатов очевиден.

Пожалуй, наибольшую известность в этом поле как собственно художественные работы получили многочисленные карикатуры Алексея Куделина, работающего под псевдонимом Вася Ложкин (этих работ очень много, их сатирический и даже гротескный характер легок для восприятия, что объясняет тот факт, что они перекопируются в социальных сетях огромное

Безымянная коммуна

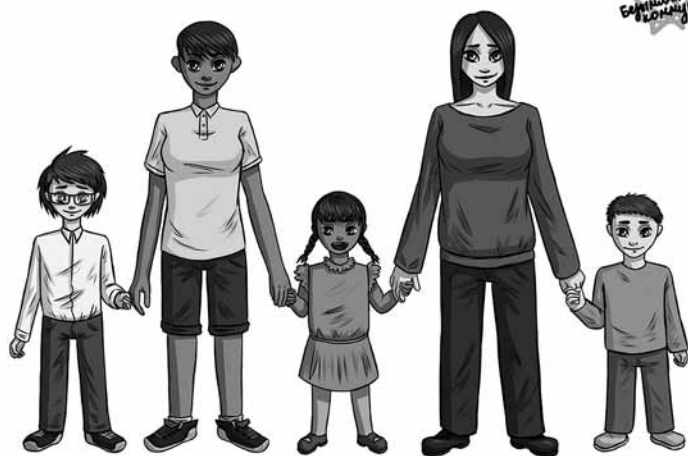
АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН
МЕЖДУ ПОДВАЛАМИ,
СУДАМИ И ЭМИГРАЦИЕЙ...

#НАСТОЯЩАЯ СЕМЬЯ

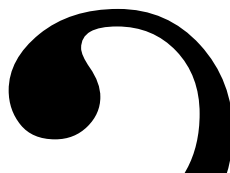
Илл. 5, 6. Арт-группа
«Безымянная коммуна».
«Настоящая семья».
Июль 2015 года.

Безымянная коммуна

#НАСТОЯЩАЯ СЕМЬЯ

число раз, создавая ощущение, что Ложкин представлен абсолютно везде). Широко известным – хотя и на сравнительно короткое время – стал большой цикл «Welcome! Sochi 2014» красноярского художника Василия Слонова. Собственно, именно этот цикл стал той последней каплей, которая переполнила чашу терпения властей и привела к увольнению Марата Гельмана из Пермского музея современного искусства. Устроив на прощание в ноябре 2014 году выставку «Цензура – шлюха-ха»,

Марат Гельман уехал из России в Черногорию. При этом сами Алексей Куделин и Василий Слонов частью какого бы то ни было активистского арт-сообщества не являются, и их широко популярные работы живут своей жизнью, весьма обособленной от личной жизни их авторов.

Россия вернулась в эпоху фактического сосуществования двух параллельных культур. Сфера классического искусства в России продолжает развиваться, музеи устраивают выставки, ничем не уступающие проходящим в лучших музеях мира, растет количество выпускаемых художественных альбомов и их качество. Однако «другое искусство», вновь, как и в брежневские времена, изгоняется из легитимно существующих арт-институций. На протяжении четырех лет существует Альтернативная премия «Российское активистское искусство», на которую в 2012–2015 годы были номинированы девяносто работ. За эти четыре года ситуация изменилась, и весьма существенным образом: надежды конца 2011-го – начала 2012 года сменились унынием, переходящим в отчаяние. На сегодняшний день российский арт-активизм и акционизм существуют без какой-либо поддержки с чьей бы то ни было стороны. Понятно, что ситуация эта очень проблематична: в конце концов, художники – тоже люди, и им нужно на что-то жить, а их работ практически никто не готов покупать. Почти нет искусствоведов, готовых писать о них, и мало какие издания готовы публиковать подобные материалы. «Закручивание гаек» продолжается, и, как следствие, усиливается эмиграция оппозиционных активистов – в том числе активных участников художественного процесса. Существующий четыре года фестиваль активистского искусства «МедиаУдар» каждый год проходит на новой площадке, постоянную гавань терпящему бедствие кораблю российского арт-активизма не готов предоставить никто – и ничего не свидетельствует о том, что ситуация изменится к лучшему в обозримом будущем.